

Дэрек Мелоун

Кривичи: 2490

Дэрек Мелоун
Кривичи: 2490

«Автор»

2026

Мелоун Д.

Кривичи: 2490 / Д. Мелоун — «Автор», 2026

Кривичи 2490 - научно-фантастический роман об уникальной цивилизации на планете Кривичи-9, которая четыре века развивалась в полной изоляции и построила могучую индустриальную империю без тотального цифрового контроля галактической метрополии. В 2490 году, спустя десять лет после официального выхода из тени и вступления в Союз Цивилизаций, планета оказывается перед лицом новых угроз. В то время как внешние силы под видом «интеграции» пытаются подчинить себе суверенный мир и его уникальные технологии, глобальная планетарная сеть «Кривичанка» внезапно начинает отключать сборочные линии заводов, требуя от президента Варагозина опасного обновления. Это история о политических интригах, цене независимости и о том, как трудно остаться людьми в мире, где все привыкли быть лишь пользователями.

© Мелоун Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дэрек Мелоун Кривичи: 2490

КРИВИЧИ 2490 Ч.1

♠ ♡ ♣ ♤ ♧ ♨

При чтении рекомендуется включить плей-листы:

Epic Classical — Spotify

Шедевры классики — Я.Музыка

Глава I

Город не помнит своего рождения. Это помнят только те, кто его рожал.

Утро над Родославией начиналось не со вспышки рассвета, а с того особого, тягучего света, что ложится на белый камень набережных, когда солнце ещё низко, а туман над рекой только-только начинает подниматься золотистой дымкой. Голографические панели, вживлённые в фасады, давно погасили ночную подсветку колоннад, и утренние лучи скользили по мраморным плитам набережной так же плавно, как когда-то, столетия назад, скользили по их куда более скромным, ещё бетонным предшественникам. По широкому, окаймлённому балюстрадой проспекту Первых, ведущему к площади Ратичей, уже шли автобусы – матово-белые, бесшумные, они останавливались у подножия триумфальной арки с той же неторопливой точностью, с какой это делали их куда более грубые предки четыре века назад. На вершине арки бронзовый основатель колонии, вознеся руку к небу, встречал рассвет так же, как встречал его каждое утро уже второе столетие подряд, а чуть поодаль, над гранитной колонной, увенчанной пятиконечной звездой, кружили редкие утренние птицы.

Вдоль тротуаров работали ремонтные роботы завода «KRYVICH DYNAMICS»: высокие, поджарые фигуры на двух шарнирных, почти человеческих ногах, ступавшие по мостовой с той же ровной, неторопливой походкой, что и спешащие мимо них люди. Они заделывали трещину в старом покрытии так буднично, что ни один прохожий не замедлил шага, чтобы посмотреть. Лишь один из них, помельче и попроще, катился рядом на широких колёсах – редкая на здешних улицах колёсная модель, которую держали для таких ровных, коротких перевозок, не требующих ничего, кроме честной грузоподъёмности. Робот на Кривичи-9 давно перестал быть событием. Он был частью утра, такой же, как свет, такой же, как шум далёких верфей Беловодья, такой же, как чинные, суконного покроя силуэты чиновников, спешивших к министерским подъездам площади.

По утренним улицам Родославии шли те, кого сама планета привыкла считать своей элитой: конструкторы и штурманы Ордена Навигации в тёмных сюртуках, скроенных по лекалам давно минувшей на Земле эпохи, немногословные и подчёркнуто учтивые, цитирующие классику так же естественно, как их беловодские сограждане – марки сплавов. Родославия не скрывала, что живёт иначе, чем две другие земли планеты, и не считала нужным за это извиняться: она была лицом, которое Кривичи-9 показывала галактике, – белокаменным, безупречно вежливым лицом богатейшей и наиболее защищённой цивилизации Млечного Пути.

Но за этой лёгкостью стояли больше четырёх столетий труда, тайн, лжи, восстаний и упрямого, поколение за поколением, движения вперёд – от голой, продуваемой ветром равнины до одной из богатейших и наиболее защищённых планет всего Млечного Пути. И прежде чем эта история продолжится дальше в 2490 году, необходимо вернуться туда, откуда она началась на самом деле, и пройти этот путь не пунктиром, а во всех его подробностях.

2083. Двадцать

Через четырнадцать лет после Контакта 2067 года, когда человечество и алоянская цивилизация впервые узнали друг о друге, галактика ещё только начинала перекраивать себя заново. По уровню общественного и хозяйственного развития сама колония в этот момент условно сопоставима с земными поселениями начала XVII века – временем, когда горстка людей, оторванная от метрополии на месяцы пути, могла рассчитывать только на себя.

Четыреста семь лет назад, всего через четырнадцать лет после того, как Контакт 2067 года навсегда изменил представление и людей, и алоянцев друг о друге, на месте нынешней площади Ратичей не было ничего, кроме голой, продуваемой ветром равнины и раскалённого

металла посадочных опор. Корабль, доставивший сюда ровно двадцать переселенцев, ушедших от блеска и духоты эреванских высоток Терранова, ушедших от вежливого, но неотступного присмотра «Коллектива», опустился на планету, которая тогда ещё не носила собственного имени. Молодой Союз, едва успевший осмыслить факт существования человечества, ещё не заметил и не спохватился по поводу двадцати своих граждан, тихо снявшихся с насиженного места и канувших в глубину неисследованного сектора. У переселенцев не было ни городов позади, ни городов впереди – только оборудование, рассчитанное на выживание, и твёрдое, почти яростное решение больше никогда не жить под чужим наблюдением.

Формального правительства у колонии в первые месяцы не существовало – только устав экспедиции и распоряжения инженера-командира Всеслава Варагозина, человека жёсткого, немногословного и, по свидетельствам немногих сохранившихся дневников той поры, справедливого ровно настолько, насколько того требовало выживание, и ни на йоту больше. Именно Варагозин, ещё на борту корабля, первым предложил то решение, которое четыре с лишним века спустя станет тяжким наследством для всех его потомков: скрыть от будущих поколений само существование Союза и метрополии, чтобы страх и соблазн вернуться под чужую власть не развели изнутри едва зародившуюся общину. Двадцать переселенцев поклялись хранить эту тайну и передавать её только тем, кто будет отвечать за колонию после них. Сам Варагозин, по свидетельству уцелевших бортовых записей, лично выкопал первый колодец колонии в первую же неделю после посадки – не потому, что это входило в его обязанности инженера-командира, а потому, что колодец нужно было выкопать до заката, а рук не хватало ни на что, кроме самого необходимого.

Технологии, которыми располагали колонисты, позволили им долететь и позволили им не умереть в первую же зиму, но не позволяли ничего сверх этого. Если ломалась деталь – её невозможно было заказать, её приходилось изготавливать заново, из того, что было под рукой, часто с потерей качества, часто наспех. Жильё первых лет представляло собой не дома в привычном смысле, а полузарытые в землю модули, соединённые между собой переходами, которые латали снова и снова, потому что латать было проще, чем строить заново.

Варагозин в свободные от общих работ часы возился с уцелевшим после посадки вычислительным блоком корабля, упрямо восстанавливая его функции одну за другой, не столько по нужде, сколько из вьёвшейся инженерной привычки не оставлять сломанное сломанным. Никто из двадцати тогда не догадывался, что этот скромный, наспех собранный из уцелевших деталей узел четыре века спустя разрастётся в нечто, чему потомки дадут имя «Кривичанка» и чему станут доверять больше, чем иным живым советникам.

Первая зима оказалась тяжелее, чем предполагали расчёты, сделанные ещё в Эреване задолго до старта. Модули промерзали быстрее, чем ожидалось; энергетические резервы таяли быстрее, чем восполнялись; трое из двадцати не пережили эту зиму, и их имена, Артём Кулевич, Дарья Олышанская, старший инженер Богумил Тарасевич, были высечены много позже на первой мемориальной плите, вокруг которой века спустя разрастётся площадь. Варагозин, как гласят сохранившиеся записи, в ту зиму почти не спал, лично обходя модули каждую ночь, чтобы убедиться, что генераторы не встали. Колония выжила. Не потому, что у неё было преимущество в технологиях, а потому, что у неё не было альтернативы отступить. К концу первого года из двадцати переселенцев в живых осталось семнадцать, и эти семнадцать имён впоследствии будут высечены на бронзовой пластине у подножия триумфальной арки – хотя ко времени, когда арку возведут, от самой колонии первых лет не останется уже ничего, кроме этих имён да нескольких полуистлевших дневников. Ни один из семнадцати не оставил подробных записей о том, почему решение хранить тайну о Союзе далось им так легко и так единодушно; но косвенные свидетельства, обрывки писем, случайные пометки в бортовом журнале, говорят, что дело было не столько в страхе, сколько в редком для любой человеческой общины чувстве полного, безоговорочного нового начала: люди, однажды сумевшие уйти от

целой цивилизации, не хотели, чтобы эта цивилизация настигла их снова, пусть даже ценой того, что их собственные потомки будут расти в неведении о звёздах.

2093–2120. Ратич и рождение самоуправления

Земной аналог этого периода – эпоха первых постоянных поселений и появления местного самоуправления, что-то около 1650–1680 годов: колония ещё мала, но уже перестала быть лагерем и начала становиться общиной с собственными правилами.

Постепенно временный лагерь начал превращаться в нечто иное: рождались дети, никогда не видевшие метрополии, откуда прибыли их родители, и для них равнина была уже не колонией, а единственной известной им родиной. Единоличное распоряжение Варагозина общими делами, оправданное в первую катастрофическую зиму, начало вызывать у поселенцев всё больше вопросов по мере того, как чрезвычайное положение, объявленное на месяцы, растягивалось на годы. Разрешился этот вопрос не бунтом, а общим собранием, на котором колонисты, впервые за десять лет открыто, потребовали выборов старосты. Варагозин, к его чести, спорить не стал; он сложил хозяйственные полномочия сам, оставив за собой лишь то небольшое, о чём знали только двадцать, – хранение общей тайны о звёздах за пределами их неба.

Первым избранным старостой стал Ратмир Ратич – в прошлом рядовой техник-геолог, отвечавший за экспедиции в холмы за строительным материалом, человек не самый образованный из старших поселенцев, но пользовавшийся безусловным доверием: за десять лет он не потерял в своих экспедициях ни одного человека, что в условиях колонии значило больше любых титулов. Ратич распоряжался общими делами почти тридцать лет, и за эти три десятилетия колония обзавелась первым подобием закона: правилами распределения ресурсов, первым земельным учётом, первым судом старейшин для разрешения споров. Площадь, на которой позже поставят памятник основателям, при жизни Ратича называлась просто «Общий двор»; своё нынешнее имя она получит уже после его смерти – в благодарность человеку, который превратил выживающий лагерь в общину, умеющую сама себя судить, распределять и защищать.

Именно в эти три десятилетия сложился и первый, ещё грубый свод неписаных правил, которым предстояло пережить самого Ратича на много веков: право на собственный участок земли под теплицу, обязанность каждого трудоспособного жителя отработать определённое число смен на общих нуждах, запрет на продажу воды и энергии с наценкой в голодные месяцы. Позднейшие поколения будут удивляться, отчего эти простые, почти крестьянские установления сохраняются почти без изменений даже тогда, когда планета станет одной из богатейших в Союзе, – но ответ прост: закон, рождённый из подлинной нужды, редко воспринимается как обуза даже спустя века благополучия, если каждое новое поколение помнит, откуда он взялся.

Ратич правил не приказом, а разговором, и эта манера, по мнению позднейших летописцев, спасла молодую колонию от той жестокой концентрации власти, что нередко губит небольшие изолированные общины. Варагозин, формально сложивший с себя хозяйственные полномочия, тем не менее оставался в тени этих решений как советник, к которому Ратич регулярно обращался за техническими выкладками. Это доверие, что сложилось между инженером, хранившим тайну звёзд, и старостой, ведавшим повседневными нуждами общины, заложило традицию, по которой два центра власти на Кривичи-9, практический и хранительский, столетиями сосуществовали, ни разу не поглотив друг друга.

Суд старейшин, учреждённый в первые же годы правления Ратича, разбирал дела без затей: спорили о меже между тепличными участками, о том, кому первым чинить общий генератор, о разделе улова с редких рыболовных вылазок к дальнему озеру. Записи этих разбирательств, наивные и подробные, много позже станут для историков едва ли не главным источником сведений о повседневной жизни первых десятилетий: из протоколов суда, а не из парадных

отчётов старосты, потомки узнают, что в 2098 году колония пережила вспышку лихорадки, а тем же летом впервые был собран урожай зерна, достаточный, чтобы отложить часть его про запас, а не съесть подчистую до последнего зерна. Дети следующего поколения застали уже не лагерь, а посёлок с именем, судом и старостой, и для них равнина была уже не домом, а родиной – понятием куда более глубоким, обрастающим первыми легендами, первыми праздниками, первыми именами, которые давались улицам ещё до того, как эти улицы обзавелись мощёным покрытием. Люди начали отмечать день посадки корабля – праздник, который десятилетия спустя превратится в главный городской праздник, известный как День Опоры.

2120–2145. Восстание рудокопов

По накалу и по причинам этот период сравним с ранними трудовыми конфликтами земной промышленной эпохи – условно, что-то между 1710 и 1725 годом: производство уже требует специализированного и тяжёлого труда, но правовой защиты этот труд ещё почти не имеет.

К середине этого периода посёлок Ратича разросся настолько, что мог себе позволить нечто, немыслимое в первые годы, – специализацию труда. Добывающие артели, работавшие в холмах, трудились в условиях, которые совет старейшин, давно перебравшийся на более спокойные должности, недооценивал: двенадцатичасовые смены, наспех укреплённые штольни, деревянные крепи, срубленные из наскоро заготовленного леса и далеко не всегда выдерживавшие вес налегающей породы. Обрушение одной из старых угольных выработок на восточной окраине, унёсшее жизни четырёх шахтёров, стало последней каплей: возглавил недовольство бригадир по имени Кузьма Волкодав, потребовавший от старосты, к тому моменту это был уже не сам Ратич, а его преемник, осторожный и излишне бережливый на общие средства Мирослав Тихомиров, немедленного пересмотра норм выработки и введения обязательных инспекций креплений перед каждой сменой.

Тихомиров медлил, ссылаясь на нехватку леса и рабочих рук, и медлил достаточно долго, чтобы терпение Волкодава иссякло. Он вывел добывающие бригады из шахт, не с оружием, но с той тяжёлой, спокойной решимостью, которая куда убедительнее всякого оружия, и заявил, что ни один рудокоп не спустится под землю, пока крепи не будут проверены и, где нужно, заменены. Три недели, вошедшие в историю колонии как «Стояние рудокопов», обернулись для города настоящим испытанием: заводы, ещё не привыкшие работать без угля, начали отставать один за другим, а Тихомиров, наблюдая за тающими запасами на общих складах, окончательно уяснил, что городу не выстоять без уступки.

Соглашение, подписанное на исходе третьей недели, стало для колонии первым по-настоящему писаным сводом трудовых норм: обязательные инспекции крепей перед каждой сменой, предельная продолжительность смены не более восьми часов, обязательное денежное возмещение семьям погибших на производстве. Волкодав в политику после этого не пошёл, отказавшись от предложенного ему места в совете старейшин и вернувшись бригадиром в те же самые шахты, где проработал ещё почти два десятилетия, ни разу больше не допустив обрушения на своём участке. Но его имя прочно осело в памяти города: улицу, ведущую от площади Ратичей к промышленному кварталу, много позже назовут в его честь – одно из немногих названий на Кривичи-9, данных не основателю и не главе государства, а простому рабочему, посмевавшему сказать «нет». Само «Стояние рудокопов» на много поколений вперёд стало для кривичан образцовым примером того, как следует добиваться справедливости: не бунтом ради самого бунта, а организованным, упорным отказом продолжать работу до тех пор, пока требования не будут услышаны, – модель поведения, которую два с половиной века спустя повторят уже не рудокопы, а рабочие и роботы у ворот «KRYVICH DYNAMICS».

Тихомиров, переживший «Стояние» с немалым уроном для собственной репутации, до конца своего срока так и не восстановил прежнего доверия горожан и не стал переизбираться

на новый; но при нём, как ни парадоксально, колония обзавелась первым постоянным штатом инспекторов труда – людей, чьей единственной обязанностью стало то, чего сам Тихомиров так долго избегал делать вовремя. Именно эти три десятилетия принято считать началом того особого, почти сословного самосознания добывающих артелей, что позже, когда холмы и рудники официально отойдут к землям Беловодья, ляжет в самое основание тамошнего трудового уклада: убеждение, что честно заработанное уважение стоит дороже любого титула, а молчаливый, упрямый отказ работать в опасных условиях – самое действенное оружие простого человека против медлительности власти. Многие из принципов, закреплённых тогда «Стоянием рудокопов»: обязательные инспекции перед сменой, предельная продолжительность рабочего дня, компенсация семьям погибших, два с половиной века спустя войдут почти без изменений в устав завода «KRYVICH DYNAMICS» и станут одной из причин, по которым, когда планета вступит в Союз, её рабочие будут защищены лучше, чем рабочие большинства куда более развитых миров.

2145–2230. Рождение «KRYVICH DYNAMICS»

На земной шкале это время примерно соответствует промежутку между 1720 и 1760 годом – насыщенному отрезку, в который ремесленное производство стремительно превращается в промышленное.

Промышленность после «Стояния рудокопов» формировалась быстрее и организованнее, чем в первые бесхозяйственные десятилетия. Несколько мастерских, специализировавшихся на ремонте и сборке техники, объединились в единое предприятие, которое его основатели, с грубоватой прямоотой, свойственной колонии, назвали просто и звучно: «KRYVICH DYNAMICS». Предприятие с первых же лет утвердило единственный принцип, определивший всю его дальнейшую судьбу: каждая машина должна собираться так, чтобы её мог починить любой механик с гаражным набором инструментов, а не только тот, кто её произвёл, – и все модели одного класса собирать на одних и тех же унифицированных узлах, чтобы сломавшуюся деталь можно было заменить любой такой же с любой другой машины того же поколения.

Именно тогда решался вопрос, каким образом первые роботы завода будут передвигаться, и решение это далось не сразу: местная каменистая, изрезанная трещинами почва не прощала ошибок, а чинить сложную технику приходилось из того немногого, что было под рукой.

Завод остановился на шагающих машинах на двух ногах, по пропорциям почти неотличимых от человеческих. Инженерный совет принял это решение не из сентиментальности, а из трезвого расчёта: посёлок и всё, что в нём строилось, от дверных проёмов до лестничных пролётов, изначально возводилось под человека, и робот человеческого сложения проходил там, где не прошла бы никакая другая платформа: по лестнице, через узкий проход, вдоль обвалившейся стены. Колёсный ход завод не оставил вовсе, но свёл его к узкому, специализированному классу машин, тяжёлым, простым погрузчикам для идеально ровных участков дороги и заводского двора, и таких на любом производстве «KRYVICH DYNAMICS» всегда было заметное меньшинство.

Первой по-настоящему серийной моделью завода стала простая, угловатая шагающая машина с массивным, чуть квадратным головным блоком, которую сами рабочие прозвали Утюгом, – прозвище, которое два с лишним века спустя перейдёт по наследству уже совсем другим, куда более многочисленным поколениям заводских роботов. Уже к концу этого периода завод убедился, что главным его преимуществом на пустой, отрезанной от всякой конкуренции планете является не изящество конструкции, а её ремонтпригодность, – принцип, который два века спустя станет секретом коммерческого триумфа «KRYVICH DYNAMICS» уже в масштабах всего Союза.

Совет директоров завода этих лет, состоявший по большей части из потомков первых мастеров-основателей, довольно скоро столкнулся с вопросом, определившим на века вперёд отношения между заводом и колонией: как распределить растущую прибыль между теми, кто проектировал машины в конторе, и теми, кто отливал для них детали в цехах. Найденный тогда компромисс, равная доля общей прибыли на инженерное развитие и на нужды рабочих кварталов, закреплённая в заводском уставе, просуществует, с небольшими поправками, вплоть до 2490 года и станет одним из тех негласных правил, что не позволят богатству, хлынувшему на планету после 2480 года, превратить завод в обычную корпорацию, безразличную к судьбе тех, чьими руками он был построен.

К концу этого периода завод уже поставлял технику не только для нужд собственного посёлка, но и для дальних добывающих экспедиций, отправлявшихся в куда более суровые и отдалённые уголки планеты, – и эти экспедиции, оснащённые исключительно надёжной, легко чинимой техникой «KRYVICH DYNAMICS», в конечном счёте и обнаружили те самые рудные месторождения на севере и плодородные равнины на юге, вокруг которых два поколения спустя оформятся Беловодье и Чернорусь. Само название завода к исходу этого периода успело стать для колонистов чем-то большим, чем просто маркой производителя: детей нередко учили считать и читать на примерах из заводских инструкций, а первое слово, которое многие проносили после «мама» и «папа», нередко оказывалось именно этим – «Кривич».

2230–2300. Возвращение Варагозиных и Великая стройка

Земной эквивалент этого семидесятилетия – промежуток примерно между 1760 и 1850 годом: время, когда молодая, разбогатевшая на собственной промышленности держава начинает облекать себя в камень, достойный собственных амбиций.

К середине XXIII века выборная система старост, служившая колонии почти полтора столетия, начала давать сбои: слишком много власти сосредоточилось вокруг «KRYVICH DYNAMICS», слишком многое в жизни города зависело от завода, чтобы избираемый на несколько лет староста мог всерьёз этим управлять. Совет директоров завода, в котором прямые потомки Всеслава Варагозина, того самого инженера-командира высадки, давно и естественно занимали ведущие места, отчасти по праву основания, отчасти потому, что в их семье из поколения в поколение передавалась истинная причина, по которой их предок когда-то настоял на полной секретности, предложил городу новый порядок: пожизненное правление главы государства, ответственного перед горожанами напрямую, минуя долгие циклы перевыборов.

Первым, кто принял этот титул, стал Ярополк Варагозин, прапраправнук Всеслава, человек столь же немногословный и столь же тяжёлый на подъём в решениях, каким, если верить сохранившимся портретам, был и его предок. Именно при нём начался период, который позднейшие историки назовут Великой стройкой: разбогатевший на экспорте грубой, но безотказной техники город решил, что заслуживает не просто крыши над головой, а величия, достойного его труда. Деревянные и бетонные постройки первых поколений одна за другой уступали место монументальному, тяжеловесному имперскому стилю: колоннады административных зданий, гранитные набережные вдоль русла реки, широкие проспекты, украшенные фонарями кованого литья, и, наконец, триумфальная арка на въезде к площади, с бронзовой фигурой человека, поднявшего руку к небу, и высокая колонна, увенчанная пятиконечной звездой, ставшая с тех пор главным силуэтом города, узнаваемым с любой его окраины.

Именно при Ярополке город получил официальный статус и своё нынешнее имя, Родославия, а сама площадь, где почти два века назад стояли лишь опоры первого корабля, превратилась в тот самый монументальный ансамбль, что не менялся по существу вплоть до нынешнего дня: только камень с годами становился белее, а бронза – ярче. Скульптор, работавший над памятником основателю, настоял на том, чтобы фигура была изображена не в позе триум-

фатора, а самой обычной: человеком, склонившимся над колодцем, с инструментом в руках. Ярополк, ознакомившись с эскизом, поначалу возражал, считая, что подобная скромность не подобает памятнику, венчающему целую эпоху, но в итоге уступил – и эта уступка, по общему мнению позднейших историков, сделала памятник по-настоящему любимым горожанами куда сильнее, чем сделала бы любая монументальная поза. Сама площадь при Ярополке получила официальное имя – в честь Ратмира Ратича, первого выборного старосты, а не в честь кого-либо из Варагозиных: жест, который сам глава государства считал важнее любого собственного памятника.

Именно при Ярополке же начало оформляться то разделение, которое к 2490 году станет главной социальной особенностью планеты: пока Родославия обустроивала себя колоннами и гранитом, соседние промышленные и аграрные земли, ещё не оформленные официально в отдельные государства, продолжали жить куда более суровым, спартанским укладом, и уже тогда среди рабочих окраин родилась поговорка, дожившая до наших дней почти без изменений: «Родославия носит сюртук, а остальные его шьют». Сам Ярополк, по свидетельству современников, поговорку эту слышал не раз и не считал нужным с ней спорить, полагая, что честно заслуженная зависть куда лучше слепого подчинения. К концу его правления облик Родославии установился по существу окончательно: тот самый ансамбль колоннад, арки и увенчанной звездой колонны, что четыре века спустя будет встречать каждое утро жителей и гостей города, почти не менявшийся с тех пор ни в пропорциях, ни в расположении, – менялся лишь материал, которым были облицованы его стены.

С этого момента и вплоть до самого 2480 года власть на Родославии передавалась в семье Варагозиных от отца к сыну, и каждый новый глава государства вместе с ключами от кабинета в комплексе «KRYVICH DYNAMICS» унаследовал одну и ту же тяжёлую правду: где-то там, среди звёзд, существует огромный, сияющий Союз цивилизаций, из которого предки нынешних кривичан когда-то ушли по доброй воле, и о существовании которого простому горожанину знать не полагается.

♣ ♠ ♣ ♠ ♣ ♠ ♣ ♠

2300–2400. Три страны

Условный земной аналог – примерно 1850–1900 годы: эпоха, когда молодая индустриальная держава оформляет собственные земли в чётко разделённые, но единые в своих амбициях провинции.

К началу XXIV века колония, разросшаяся далеко за пределы одного города, была официально разделена на три административные земли, подчинённые единому главе государства в Родославии, но с собственным хозяйственным укладом каждая. Родославия осталась политическим и инженерным сердцем планеты, землёй управленцев, конструкторов и штурманов, – здесь, а не в двух других землях, сложилась та самая аристократия сюртука и колоннады, что и по сей день определяет образ Кривичи-9 во внешнем мире. К северу от неё, среди рудных гор, выросло суровое Беловодье – страна тяжёлой металлургии, космоверфей и потомственных литейщиков, немногословных и по-спартански гордых людей, чья гордость измерялась не манерами, а мозолями и способностью в одиночку удержать плаvilную печь, если откажут приборы. К югу раскинулась Чернорусь – слободы и тепличные комплексы, кормившие всю планету, землёй агрономов и заготовителей, хранившей самый тихий, самый домашний уклад из всех трёх земель.

Официальное разделение лишь закрепило то, что фактически сложилось ещё при Ярополке: три касты одного народа, связанные общим происхождением, но избравшие для себя три совершенно разных представления о достойной жизни. В Родославии достоинство измерялось словом и манерой: чиновник или инженер, повысивший голос на подчинённого, терял в глазах общества куда больше, чем терял бы за иную куда более серьёзную провинность. В Беловодье достоинство измерялось делом: там не было ничего постыднее, чем нанять работ-

ника для того, что можно сделать своими руками, и даже воевода земли, по обычаю, раз в году лично спускался в один из цехов отработать полную смену наравне с прочими. В Черноруси достоинство измерялось терпением и щедростью стола: гостя здесь принято было накормить прежде, чем спросить его имя, а земля, не дающая урожая три сезона подряд, считалась не бедствием, а личным укором тому, кто её обрабатывал.

Три страны спорили между собой, как спорят братья за одним столом, о распределении энергии, о ценах на металл и зерно, но ни разу за всю свою историю не воевали друг с другом: слишком свежа была память о том, чего стоило выжить порознь в первые десятилетия колонии. Родославия правила, но правила с оглядкой: Беловодье поставляло броню для флота и металл для заводов, и стоило столице хоть раз обойтись с северной землёй несправедливо, как отгрузка попросту останавливалась – без демонстраций и ультиматумов, одним лишь тихим прекращением работы, которому Родославия за четыре века научилась не противиться. Чернорусь, не обладая подобным рычагом, полагалась на иное оружие – она давала Родославии то, без чего никакая роскошь не имеет смысла: подлинный вкус жизни, домашний хлеб и мёд для аристократических столов, вкус, который ни один синтезатор не мог полностью подделать.

Единство, прежде вынужденное самой необходимостью выжить на пустой планете, постепенно стало предметом собственной, негромкой гордости трёх земель, и уже к концу этого периода на гербе, утверждённом ещё Ярополком Варагозиным для всей планеты, красовались три переплетённых символа: шестерня Родославии, наковальня Беловодья и колос Черноруси – три касты одного народа, отказавшегося когда-то от лёгкой жизни под крылом метрополии ради права строить всё это своими руками. Единый глава государства в Родославии формально возвышался над всеми тремя землями, но управлял ими не столько указами, сколько равновесием: любое решение, задевающее интересы Беловодья или Черноруси всерьёз, требовало предварительного согласия их наместников, и ни один Варагозин этого периода не рискнул нарушить это неписаное правило, хорошо помня, чем оборачивается для столицы длительное недовольство рабочих земель. Именно эта система сдержек, установившаяся без единого писаного закона, а лишь силой привычки и взаимной выгоды, окажется достаточно прочной, чтобы пережить и столетие тайны, и потрясения 2480 года, и хлынувшее вслед за ними богатство, ни разу всерьёз не покачнувшись – редкий пример того, как неписанный обычай на протяжении веков может оказаться надёжнее любой конституции.

2400–2480. Столетие тайны

Условный земной аналог – примерно 1900–1950 годы: эпоха, когда технологии внутри общества развиваются стремительно, но само общество остаётся отрезанным от куда более широкого мира, о существовании которого ему не сообщают.

Восемьдесят лет, отделявшие 2400 год от 2480-го, стали для трёх земель Кривичи-9 временем внутреннего, замкнутого на себя расцвета. Планета, не зная о существовании внешнего Союза, тем не менее развивалась стремительно – прежде всего в производстве грубых, неприхотливых, легко чинимых машин. Скромный вычислительный узел, который когда-то чинил Всеслав Варагозин, к этому времени разросся в необъятную вычислительную сеть, обслуживающую заводы, дороги и коммунальные службы всей планеты, – ту самую сеть, которую поколения спустя горожане назовут просто и ласково: «Кривичанка».

Тайна, которую двадцать переселенцев поклялись хранить ещё на голой равнине, к этому времени превратилась в целую, тщательно отлаженную государственную машину. Каждому новому поколению официальная пропаганда объясняла запрет на межзвёздные перелёты угрозой внешних врагов, и лишь единицы, те, кому глава государства лично выдавал особое разрешение, знали, что угрозы не существует вовсе. Комитет общественного порядка, учреждённый ещё при Ярополке для куда более скромных целей охраны заводского имущества, к середине этого периода незаметно превратился в куда более серьёзную структуру, чьей главной, хотя и

негласной задачей было отслеживать любые слухи о звёздах и метрополии прежде, чем они успеют укорениться в разговорах простых горожан.

Были аварии на энергетических комплексах, унёсшие не одну жизнь и заставившие пересмотреть саму философию безопасности, – в том числе крупная авария на энергокомплексе «Северный». Были экономические кризисы: старый металлургический комбинат на южной окраине был закрыт в середине этого периода, и потребовалось почти двадцать лет, прежде чем на его месте выросли новые, куда более чистые производства. Именно в эти десятилетия окончательно закрепилось то устройство общества, при котором Родославия управляла, конструировала и вела переговоры, Беловодье плавило и строило, а Чернорусь кормила и терпела, – устройство, которое к концу столетия тайны уже никто не воспринимал как искусственное разделение: оно казалось таким же естественным, как сама земля под ногами каждой из трёх каст.

Комитет общественного порядка этого периода работал по большей части мягко, не столько репрессиями, сколько тихим перенаправлением любопытства: слишком настойчивый вопрос о том, что находится за орбитальной станцией, обычно решался не арестом, а спокойным, отеческим разговором с кем-то из комитетских, после которого спрашивающий, как правило, сам находил себе занятие поинтереснее. Но за внешней мягкостью стояла система куда более строгая, чем казалось со стороны: протоколы общения экипажей редких приезжих судов со станционным персоналом ужесточались с каждым десятилетием, а сама орбитальная станция, формально принимавшая гостей, была устроена так, чтобы ни один из них не мог покинуть её пределов без личного разрешения главы государства, – мера, введённая ещё при одном из первых Варагозиных этой династии и ни разу не отменённая вплоть до 2480 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.